

Поиски правды

*Оппозиционные стихи
советских поэтов*

**ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР
(ЦОПЭ)**

Свободу и Родину

мало любить —

за них нужно

бороться!

Поиски правды

*Оппозиционные стихи
советских поэтов*

**ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР
(ЦОПЭ)**

*Да, правда хорошо,
А счастье лучше.
Но все-таки без правды
Счастья нет.*

Евтушенко, 1956 г.

ПОИСКИ ПРАВДЫ

К концу 1952 года Россия была похожа на огромный мавзолей: тихо, торжественно, холодно и мертво. Как определил один из бежавших отсюда в послесталинские времена, «казалось, что больше уже никогда ничто не будет случаться». Создавалось впечатление, что диктатуре действительно удалось подморозить жизнь, завести каждого человека в отдельности и всю страну вместе в безвыходный тупик.

Это было время самой оголтелой реакции, по сравнению с которой времена Победоносцева могут показаться либеральной идиллией.

Потом все лопнуло и оказалось, что стена в которую уперлась страна была трухлявой и гнилой.

Сталин умер, на его место взошло «коллективное руководство». Снова родилась надежда, которую, как оказалось, окончательно убить нельзя. Люди потянулись к свету, к радости, к человечности, — главное, к человечности. Люди потянулись к правде.

Лакировка действительности, достигшая в последние сталинские годы небывалых размеров, оказалась сметенной новыми событиями. Говорить правду, обнажать подноготную жизни! — вот лозунг, занявший центральную часть сознания чуть ли не каждого советского гражданина. И особенно советского писателя, и особенно советского поэта.

Если до сих пор действовали, главным образом, силы разъединяющие, то тут люди потянулись друг к другу. Время это было трудное, приходилось преодолевать многие привычки: недоверие, любовь-ненависть, подозрительность. И все-таки процесс сближения в советском обществе начался.

**Мне к людям хочется, в толпу,
В их утреннее оживленье —**

Писал Пастернак. И заканчивал:

**Я все готов разнесть в щепу
И всех поставить на колени.**

Реакция естественная. Каждого человека к другому человеку тянет, но каждый человек в советских условиях прекрасно сознает, чем может для него закончиться сердечный контакт со своим ближним. Отсюда — болезненная форма отношений между людьми.

Любовь к ближнему — не только требование христианской этики, это также и естественная тяга всякой души, тем более души христианизированной двумя тысячами лет христианской проповеди, развития демократии и прав личности. Но любить ближнего в условиях, когда все общество построено на принципе разъединения, опасно — за это можно поплатиться собственным благополучием, а порой и жизнью.

Это — тупик. В тупик попадает почти каждый. Ощущение этого тупика разлито по всей современной честной советской поэзии. От Пастернака до Бэллы Ахмадуллиной — все совет-

ские поэты бьются над одним: как преодолеть в себе и в других чувство недоверия, воспитанное многолетней сталинщиной.

Основной конфликт между властью и пишущими людьми в Советском Союзе проходит сейчас по этой линии.

Здесь ясны три момента:

1) Власть попрежнему стремится к лакировке действительности. Ее требования можно определить так:

**Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.**

С одним исключением: власть пытается утверждать, что ложь это и есть правда, что насилие есть гуманизм, и что рабство есть свобода. Семантические ухищрения идеологов-партактивистов не знают границ.

2) Власть, как и в сталинские времена, пытается воздвигнуть стену между отдельными людьми, разъединить их, поселить в них недоверие друг к другу. Человек человеку — волк, человек человеку — враг!

3) Попрежнему основная ставка делается на будущее всеобщее счастье. А сейчас? Сейчас следует жертвовать собой и нести кирпичи на будущий дворец.

Что же изменилось? Изменилось два момента:

1) Власть значительно слабее, чем она была в последние годы жизни Сталина; ее возможности

физического воздействия значительно сужены, она теперь может только пугать. Порой ей, правда, и теперь удастся создавать впечатление общей подмороженности жизни, но это всегда временно.

2) Произошел какой-то сдвиг в психологии народных масс и особенно в психологии советской интеллигенции.

На обещание **будущего** счастья советская интеллигенция, устами поэта **Евтушенко**, отвечает:

**Да, правда хорошо,
А счастье лучше.
Но все-таки без правды
Счастья нет.**

Еще и сейчас можно наблюдать ощущение тупика, но это уже тупик наполовину преодоленный:

Стать сумели смелей и строже мы...

Это длинный процесс — процесс, проходящий на большой глубине. Все последствия его предусмотреть сейчас очень трудно. Но констатировать его и можно, и нужно.

Настоящий **сборник** является попыткой такой констатации. В нем помещаются **оппозиционные стихи советских поэтов** — в основном, поэтов молодых, в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Есть, однако, тут и **Сергей Михалков**, которого к молодым никак не причислишь. Стихотворение его «Три портрета» тоже идет в линии отталкивания от лакировки действительности.

Мы выбрали стихи молодых поэтов совершенно намеренно, исходя из тех соображений, что они — будущее страны и их сегодняшние настроения будут определять завтрашний день России.

Тут, впрочем, следует оговориться. Настроения эти не новы. Приводимые нами во второй части стихи поэта, о котором мы только можем сказать, что он — **студент московского университета** и что стихи его, естественно, никогда не были напечатаны, — показывают, что в 1952 году **подпольно** в СССР проявлялись совершенно те же настроения. Стихи эти свидетельство того, что подмороженная жизнь бунтовала и тогда, и тогда не все было благополучно, и тогда существовала опасность всеобщего взрыва.

Стихи эти попали в наши руки случайно. Каким образом прорвались они из Москвы за границу, мы рассказать не можем, — но можем добавить, что автору их сейчас около двадцати пяти лет, что все эти стихи написаны в 1952 году и тогда распространялись по Москве в рукописных списках.

Если мы возьмем такое стихотворение нашего автора, как «Тупик», то увидим, что оно по настроению совершенно сходно со стихотворением **Бэллы Ахмадуллиной** «Мы идем усталые»... То же настроение и та же тема. Беспомощность, безвыходность, тупик.

А выход? У Бэллы Ахмадуллиной разговора о выходе нет, но ей надо было печататься. Наш автор на это не рассчитывал, поэтому для него возможность поиска выхода открыта. Он ищет

этого выхода в бунте, в повсеместном восстании, в том, что Русь издревле определяла словами: пускать по земле смуту!

В стихах нашего автора имеются страшные моменты, но это понятно. Окруженный лицемерием, пошлостью и непременным переукрашиванием жизни, он хочет сказать правду, как бы грязно, ужасающе и убийственно она ни звучала. Официальная советская поэзия всегда описывала войну, как непрерывный подвиг. Наш поэт видит и другую сторону ее:

**Третий месяц бессмысленно жаримся
в грязных окопах,
Иногда разряжая обоймы
в жиреющих крыс...**

Мы совершенно сознательно не привели тут стихов **Евтушенко** и других, настолько же известных поэтов. Их в Советском Союзе знают. Гораздо меньше знают тех, кто фигурирует на страницах нашего сборника.

Это не обязательно открыто антисоветские и антикоммунистические стихи, но это все стихи, **отвергающие социалистический реализм**, как обязательный творческий метод, и это все стихи, **обличающие неправду системы**. Они восстают не против единичных случаев, не против случайной неправды, а против неправды всей жизни.

Правоверный критик **А. Коваленков** в статье «До первой книги» («Новый мир» № 8/57) так определяет символ веры молодых советских поэтов:

«Художник имеет право писать свое «я» большой буквой» — вот, собственно говоря, настолько же соблазнительное, насколько и неверное положение, противопоставленное аксиоме — «искусство — одно из могучих средств взаимопонимания и сближения людей». Свобода творчества, в понимании наших идейных противников, должна опираться на «независимость» убеждений, вкусов, поисков новой формы каждым, кто сделал своей профессией одну из отраслей искусства».

Одновременно, он жалуется:

«Нашлись опытные, маститые литераторы, восхитившиеся псевдоноваторством способных юношей и даже предсказавшие им блестящее будущее».

Так старые смыкаются с малыми и все идут в одном направлении. Так определяется всеобщий отход от консервативной официальной установки, от необходимости постоянных славословий, от оды коммунистической партии — как высшей формы поэтического делания.

Начинается поиск развернутым фронтом. Поиск чего? Об этом говорит **Марк Соболев**:

**Правда жизни — самый лучший лекарь,
Больше всех желающий добра.**

За правду жизни — против блестящей подделки. Бронза иногда блестит, но бронза — не золото. С 1952 года по нынешней день идет в советской поэзии поиск правды жизни. Что такое правда жизни? Логическому определению она не поддается, но она есть; она неуловима, но

она существует, ее каждый изыскивает сам для себя — в этом смысл и сущность всякой настоящей поэзии. Без правды жить нельзя, а правда включает в себя и человечность, и постоянное общение со своим близким.

Это, как мы уже сказали, глубинный процесс, и предсказать исход его нельзя. Можно только еще раз констатировать, что главный бой разворачивается на этом участке и что именно на этом участке коммунистический партактив чаще всего терпит поражения.

Как сказал **Евтушенко** (это можно повторять бесконечно):

**Да, правда хорошо,
А счастье лучше.
Но все-таки без правды
Счастья нет.**

Мы должны еще попросить у читателя извинения за то, что многие стихи даны только в отрывках. Получить их полностью не представлялось возможным. Они были опубликованы в провинциальной печати, которая за пределы Советского Союза не попадает, и нам известны только в отрывках, цитированных ортодоксальными критиками, стремящимися их опровергнуть. Тем не менее, мы убеждены, что и в таком отрывочном виде они звучать убедительно.

А. Капин

На первом месте мы печатаем три стихотворения крупнейшего современного русского поэта Бориса Пастернака.

По полученным нами сведениям эти неизданные стихи пользуются сейчас огромной популярностью в Советском Союзе.

ГАМЛЕТ

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, авва отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

ВЕСЕННЯЯ РАСПУТИЦА

Огни заката догорали.
Распутицей в бору глухом
В далекий хутор на Урале
Тащился человек верхом.

Болтала лошадь селезенкой,
И звону шлепавших подков
Дорогой вторила вдогонку
Вода в воронках рудников.

Когда же опускал поводья
И шагом ехал верховой,
Прокатывало половодье
Вблизи весь гул и грохот свой.

Смеялся кто-то, плакал кто-то,
Крошились камни о кремни,
И падали в водовороты
С корнями вырванные пни.

А на пожарище заката,
В далекой прочерни ветвей,
Как гулкий колокол набата,
Неистовствовал соловей.

Где ива вдовый свой повойник
Клонила, свесивши в овраг,
Как древний соловей-разбойник
Свистал он на семи дубах.

Какой беде, какой зазнобе
Предназначался этот пыл?
В кого ружейной крупной дробью
Он по чащобе запустил?

**Казалось, вот он выйдет лешим
С привала беглых каторжан
Навстречу конным или пешим
Заставам здешних партизан.**

**Земля и небо, лес и поле
Ловили этот редкий звук,
Размеренные эти доли
Безумья, боли, счастья, мук.**

БЕЛАЯ НОЧЬ

Мне далекое время мерещится,
Дом на Стороне Петербургской
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты — на курсах, ты родом из Курска.

Ты — мила, у тебя есть поклонники.
Этой белою ночью мы оба,
Примостясь на твоём подоконнике,
Смотрим вниз с твоего небоскреба.

Фонари, точно бабочки газовые,
Утро тронуло первою дрожью.
То, что тихо тебя я рассказываю,
Так на спящие дали похоже!

Мы охвачены тою же самою
Оробелою верностью тайне,
Как раскинувшийся панорамой
Петербург за Невою бескрайней.

Там вдали, по дремучим урочищам,
Этой ночью весеннею белой,
Соловьи славословьем грохочущим
Оглашают лесные пределы.

Ошалелое щелканье катится.
Голос маленькой птички ледящей
Пробуждает восторг и сумятицу
В глубине очарованной чаши.

**В те места босоногою странницей
Пробирается ночь вдоль забора,
И за ней с подоконника тянется
След подслушанного разговора.**

**В отголосках беседы услышанной,
По садам, огороженным тесом,
Ветви яблоневые и вишненные
Одеваются цветом белесым.**

**И деревья, как призраки белые,
Высыпают толпой на дорогу,
Точно знаки прощальные делая
Белой ночи, выдавшей так много.**

Борис Пастернак

ГАЛИЧ

Я вырос в городке заштатном
Среди упряжек и рогож.
И не был на район плакатный,
По счастью, город мой похож.

Над сонным озером вставал он,
Как терем сказочных времен,
Насыпанным издревле валом
От вражьих полчищ обнесен.

Там кузнецы у наковален
С утра томились от жары,
А на базаре куковали,
Стуча по кринкам, гончары.

Там были красные обозы
И в окнах пыльная герань
Обманутых торговков слезы
И пьяных матерная брань.

И грохот ярмарочной меди,
И будничная тишина,
Тоскливой музыки волна,
Непуганный цыган с медведем...

Там возвеличивались, меркли
Районной важности царьки,
Поспешно разбирались церкви
И долго строились ларьки.

Там песен яростно-безбожных
Немало в детстве я пропел
И там же услышал тревожный,
Холодный шепоток: «расстрел».

И был не смешанный с толпою
Там каждый встречный на виду,
И каждый уносил с собою
Чужую радость и беду.

... Он жив, доставшийся мне с детства
Упрямой правды капитал.
Я милой родины наследство
В пустых речах не промотал.

И беспокойными ночами,
Как у походного костра,
Со мною вместе галичане
Не спят в раздумьях до утра.

Я. Аким



Разве умирают,
Как в романах —
Пригласив парторга
В кабинет,
Чтоб успеть
О графиках и планах
Напоследок высказаться? ...
Нет!

Просто
Смерть
Внезапную подножку
Нашему товарищу дает.
Просто
Вызывают неотложку,
И она опаздывает.
Вот.

И звонок,
Настойчивый и грозный,
Чье-то сердце полоснет ножом.
А потом
На кладбище морозном
Скажем речь,
Как будто о чужом.

**А весной
Женщина проторит
Стежку
Меж надгробий и крестов.
И пчела,
Не знающая горя,
Прилетит
На запахи цветов.**

Я. Аким.

ТРИ ПОРТРЕТА

(Восточная басня)

Был однорук и одноглаз
Великий хан Ахмет.
Трем живописцам как-то раз
Он заказал портрет.

«Иметь портрет угодно мне, —
Всем трем он заявил, —
Где б я в бою и на коне
Написан вами был!»

Трубят рога.
На грозный суд
Того, кто всех сильней,
Два первых мастера несут
Работу многих дней.

Перед портретом хан встает,
Разгневан, возмущен:
Нет! Он себя не узнает!
Нет! На коне не он!

«Я одноглаз и однорук!
А этот хан сидит —
Двумя руками держит лук.
Во все глаза глядит!

Кто исказить меня посмел,
Пускай дает ответ!...
Гнать лакировщика велел
Сердитый хан Ахмет.

Своим вторым портретом хан
Не меньше оскорблен:
«Я узнаю коварный план! —
Затрясся в гневе он. —

На радость всем врагам вокруг
Ты подчеркнул, смутьян,
Что одноглаз и однорук
Твой повелитель — хан!»

Так портретист-натуралист
Погиб во цвете лет...
Его собрат, дрожа, как лист,
Несет еще портрет.

Поскольку хан изображен
Верхом и не анфас,
Неясно, однорук ли он
И есть ли правый глаз?

Видна здоровая рука,
Что крепко держит щит,
И левый глаз, что цел пока,
Как у орла глядит!

Ловкач художник стал богат,
Ходил в больших чинах.
И умер, люди говорят,
При многих орденах...

Средь живописцев я встречал
Не раз таких ребят, —
Они не пижут жизнь анфас,
Все в профиль норовят!...

С. Михалков



Разболелся старый шрам от пули —
давний, у девятого ребра...
И опять невкусные пилюли
мне прописывают доктора.

И велят, — поскольку не в окопе,
а в дому, где тишь и благодать, —
сладкою водичкой на сиропе
горькие лекарства запивать.

Все мои протесты непонятны:
это, мол, в бреде такая муть...
...Под брезент палатки медсанбатной
входит память, раненая в грудь.

Было право: даже умирая,
криком боли раздирая рот,
оставаться на переднем крае,
неподвижным — двигаться вперед.

А как встал я — знала, в чем причина,
вся палата вместе с медсестрой:
горечью своей меня лечила
родина. И возвратила в строй.

«Помирать, — сказала, — не годится,
впереди — победные дела!...»
...Грелки к сердцу. Сладкая водица.
Неужели молодость прошла?

Правда жизни — самый лучший лекарь,
больше всех желающий добра.
Старый шрам болит у человека...
Уберите капли, доктора!

Марк Соболев

1941

Москва тех дней... Крутой накат событий...
Не счесть утрат, не описать невзгод.
Но, сверстники, душою не кривите:
Он был, как факел, — чистый этот год!

Как штукатурка сыпались уловки,
И, в силу обнажившихся причин,
В год затемнения и маскировки
Мы увидали ближних без личин.

И, отшвырнув сомнительные меры:
Анкеты, стажы, должности, лета,
Мы полной мерой храбрости и веры
Измерили, чем жизнь была чиста.

И нам, свидетелям, доньше святы
И дышат в нашей памяти поднесь
Дежурства, крыши и аэростаты —
Московских буден взрывчатая смесь...

Фасадов камуфляжное убранство,
Симфония отбоев и угроз,
И это чувство гордого гражданства,
Впервые пережитое всерьез.

Юлия Нейман

**... В тот день мне довелось понять,
Что так всегда бывает:
Кто даже не рожден летать,
Приказано — летает!**

Д. Долинский



... Уже в цветке бунтует плод,
И пчелы сочиняют мед.
Такой же, как и прошлый год...
Мне надоел круговорот,
И я хочу найти одну,
Необычайную страну,
Где все идет наоборот...
Там стрелка на часах ползет
Не как у нас — наоборот,
Там суток ход — наоборот,
И лет черед — наоборот,
И прошлое там впереди,
А будущее позади...

Валерий Рыжей

Мы идем усталые,
Руки холодны,
Мы с тобою старые,
Словно колдуны.
Мы с тобою лишние
В молодом лесу...

Бэлла Ахмадулина

ИДУТ «ЛЮДИ РЖАВЫЕ, ЖЕЛЕЗНЫЕ»,

... Чтоб руками неживыми
Оглушить меня навек,
Чтоб забыл я вместе с ними
То, что был я человек,
Что тут крики бесполезные,
Не видать вокруг ни зги,
Люди ржавые, железные —
Неподвижные мозги.
Выхожу один навстречу
Их бесчисленным рядам...

Иван Харабаров

Стихи были напечатаны в газете «Московский комсомолец» и подверглись разгрому со стороны «Комсомольской правды».

Кто такой этот **рыжеватый**? «Комсомольская правда» так определяет его по стихам Курганцева: он тот, «кто в свое время клеветал на своих товарищей, травил однокурсников, выслеживал весной влюбленных, запрещал любить Есенина и читать вслух Багрицкого».

Курганцев в своем стихотворении требует: **рыжеватого нужно найти и уничтожить.**



Нет, теперь нам не страшен взгляд его.
Стать сумели смелей и строже мы.
Мелкой дрожью трясет рыжеватого,
Но его еще не уничтожили.
И в стенном отражаясь кафеле
Плешью розовой, в этот час
Он, быть может, стоит на кафедре,
Уму-разуму учит нас...

М. Курганцев

СТИХИ МОСКОВСКОГО СТУДЕНТА

Неопубликованные

ТУПИК

Ночь застыла, зарею на части беззвучно
расколота.

И в прорехах вибрирует жиденький, розовый
свет.

Вот я снова один, в незнакомой мне части
знакомого города

На бульваре опять принимаю тоскливый
рассвет.

Я готов бы итти и итти, все вперед, без оглядки

По неверной дорожке, которую стелет луна,

Но сзади то же, что было — лишь только
в обратном порядке,

А передо мною — спокойно — глухая стена.

КОНЕЦ

Вот и все, последняя ночь уходит.
Я еще на свободе, хоть пуст кошелек,
Я могу говорить о кино и погоде,
А бумаги свои я вчера еще сжег.

Я уверен в себе.
У меня хватит наглости
Обвинителю рассмеяться в глаза.
Я не стану просить заседательской жалости
И найду, что в последнем слове сказать.

... Этот ходит и пишет
И тоже она. Да и что тут гадать!
И откуда я знаю?
Может, каждый вот так же сидит у окна
И никто наверно не ждет перемен.
И опять синяком затекает восток,
И я вижу, как незаметный военный
Подшивает в папку последний листок.

ДЕЗЕРТИРЫ

Мы дрались озверело в кровавом чаду
И война нам была тесна,
Когда к нам в окопы на третьем году
Через трупы шагнула весна.

И мы поднялись все, кто был живой
И, оставив окопы врагам,
Разошлись по дорогам к себе домой,
По сырым зеленым лугам.

Так и двигались, без остановок,
Сквозь короткие, с просинью дни,
С детской радостью ложа винтовок
Разбивая о вешние пни.

Мы шагали и было нам все равно,
Что мы беглые и на нас
Во всех штабах и частях давно
Был скрепленный печатью приказ.

Мы среди окопных крыс и дерьма
Тосковавшие о родных,
Обирали до нитки чужие дома,
Жен насиловали чужих.

Мы идем, дороги нас снова ведут,
Ночь глядит миллионами глаз.
Нам плевать, что, едва нас только найдут
К первой стенке поставят нас.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

И была последняя ночь режима
И кто-то зачем-то поджег Москву,
И больше никем уже не хранимый
Кремль наконец взлетел в синеву.

А потом кто-то стрелял в кого-то
И гигантским кадиллом чадил Метрополь,
И небоскребов осиные соты
Оседали, сыграв краткосрочную роль.

Ночь ушла и трупы спокойно покрыли
Мозгами забрызганный парапет,
И на кровавой кирпичной пыли
Обгоревший с углов знакомый портрет:

Улыбка у глаз в морщинах тонких,
Застывшая меж губ и усов.
И сопливый ребенок, играющий стрелкой,
Минутной стрелкой Спасских часов.



**Виртуозы смоленой веревки,
Ювелиры смертельных проб,
Мы еще почистим винтовки
Под дождя тоскливый синкоп.**

В 1952 году английский министр Моррисон обратился с посланием к советскому народу. Послание это было опубликовано в «Правде» и в нем содержалась, примерно, такая фраза: при всех недостатках нашей демократии, когда к англичанину утром кто-то стучится в дверь, он знает, что это только молочник.

НА ПОСЛАНИЕ МОРРИСОНА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

**Пусть он чист и невинен, как горный источник,
Ты источнику горному тоже не верь.
Ты не знаешь, какого рода молочник
Постучится утром в закрытую дверь.**

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

«На закрытие московского коктейль-холла».

Нас всегда не хватает на эпилоги,
В самой скучной точке земного шара
Уж который год мы подводим итоги
За бетонной стойкой последнего бара.
Это время утреннего карантина,
Это час перемены заученых действий.
Одуревших от джаза и сонных кретинов
Заменяют почтенные люди семейств.
Здесь часы проходят в повышенных темпах.
Одичавший Запад и дикий Восток,
Сюда город выбрасывает свой демпинг,
Затвердевшую грязь запотевших носок.

От коктейлей, выпитых натошак,
Еле двигаясь, как неживой,
Говорить с чужим о ненужных вещах,
Рискуя своей головой.
Отгорожен от мира глухою стеной,
Я вдыхаю опиум книг.
Между миром и мной — двери в дюйм толщиной
И в столетья растянутый миг.
Но,
 если будет приказ,
Повинуясь извечной сноровке,
И ни в чем совершенно не изменившись лицом,
С равнодушною злобой
Мы снова зарядим винтовки,
Чтоб кому-то чужому
 глотку залить свинцом.



**Скучно. Солнце попрежнему всходит с Востока
И с усталою ленью спокойно катится вниз.
Третий месяц бессмысленно жаримся в грязных
окопах,
Иногда разряжая обоймы в жиреющих крыс.**

*Будь тверд и терпелив. Неси смелей,
Уверенней свои живые силы.
И не забудь о матери твоей,
Которую отчаянье сломило.*

*Ирина Кнарринг
(Париж)*

ЧИТАЙТЕ НАШИ БРОШЮРЫ

- 1. Мы обвиняем**
- 2. Россия вчера и сегодня**
- 3. Неугасимая воля к свободе**
- 4. Правда о Советской Армии**
- 5. Комната № 6**
- 6. Счастливая жизнь...**
- 7. «Самое главное»**
- 8. Кронштадтское восстание**
- 9. Диктатура КПСС**
- 10. Колхозный эксперимент**
- 11. Социализм террора**
- 12. Демократия и права человека**
- 13. Хрущев-реформатор**
- 14. Обезвреженная конституция**
- 15. Заметки простака**
- 16. Партия и народ**
- 17. Правда и ложь о Венгрии**
- 18. Антирелигиозная пропаганда**
- 19. Патриотизм**
- 20. Солдатская душа (стихи)**

1958/K-37

ZOPE; Berlin W 30, Martin-Luther-Straße 88
ZOPE, München 2, Gaioglstr. 25